

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое, а посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

— Глядите, — сказал Мерлин, — вон меч, о котором говорил я.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

— Кто эта дева? — спросил Артур.

— Это Владычица Озера, — отвечал Мерлин.

Томас Мэлори
Смерть Артура

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

зеро было зачарованным. Вне всяких сомнений.

Во-первых, лежало оно совсем рядом с зачарованной долиной Ким Пикка, долиной таинственной, вечно затянутой туманом, славной своими чарами и магическими явлениями.

Во-вторых, достаточно было одного только взгляда.

Водная гладь — глубоко, сочно, незамутненно голубая, словно отшлифованный сапфир. До такой степени зеркально-голубая, что отраженные в ней вершины И Виддфа были прекраснее самих вершин. С озера веял прохладный живительный ветерок, и благословенной тишины не нарушали ни плеск рыбы, ни крик птицы.

Рыцарь тряхнул головой, пытаясь избавиться от охватившего его волнения, но вместо того, чтобы продолжать путь по вершинам предгорных холмов, направил коня к озеру — словно влекомый силою магнетических чар, дремлющих там, внизу, на дне, в бездне вод. Конь пугливо ступал по каменному крошеву, тихим похрапыванием давая знать, что и он чувствует магическую ауру.

Спустившись вниз, к самому берегу, рыцарь соскочил с коня и, ведя его за трензеля, подошел к кромке воды, где мелкая волна плескалась среди разноцветных окатышей.

Поскрипывая кольчугой, опустил на колени, распугал мальков и юрких рыбешек, малюсеньких, словно игопочки, набрал воды в сложенные горстью ладони. Он пил медленно, осторожно — от льдисто-холодной воды немели губы и язык, заходились зубы.

Когда он вновь зачерпнул воду, до него долетел звук, как бы разлившийся по поверхности озера. Он приподнял голову, конь захрапел, словно давал знать, что слышит и он.

Рыцарь прислушался. Нет, не показалось. Это были звуки пения. Пела женщина, скорее даже — девушка.

Рыцарь, как и всякий рыцарь, воспитывался на песнях бардов и рыцарских романах. А в них в девяти случаях из десяти девичьи песни либо стоны оказываются приманкой, а спешащие на помощь или же на выручку рыцари пренебрежительно попадают в ловушки. Нередко смертельные.

Однако любопытство взяло верх. В конце концов, рыцарю-то ведь было всего-навсего девятнадцать годков. Он был зверски смел и чрезвычайно безрассуден. Отличался одним и славился другим.

Проверив, хорошо ли ходит в ножнах меч, он потянул коня туда, откуда доносилось пение. Впрочем, далеко идти не пришлось.

Берег был усеян большими скатившимися со склонов камнями — темные, отполированные до блеска, прямо-таки игрушки великанов, неряшливо брошенные или же просто забытые после окончания игры, они лежали в воде, темнели под прозрачным зеркалом вод, кое-где выступали над поверхностью, омываемые волной, словно спины левиафанов. Множество камней виднелось и на берегу — от самой кромки и до опушки леса. Часть их была погружена в песок, лишь немного выступая наружу, предоставляя зрителю домысливать, сколь велики они в действительности.

Из-за этих-то прибрежных валунов и доносилось пение, которое слышал рыцарь. А самой девушки видно не было. Рыцарь толкнул коня, держа его за мундштук, чтобы не ржал и не храпел.

Одежда девушки лежала на валуне, погруженном в воду и плоском, как стол. Сама певунья, стоя по пояс в воде, мылась, плескаясь и напевая. Слов рыцарь не понимал.

И неудивительно.

Девушка — он мог бы побиться об заклад — не была человеком из крови и плоти, о чем свидетельствовало тоненькое тело, странный цвет волос, голос. Рыцарь был уверен: если она повернется, он увидит огромные миндалевидные глаза. А если отбросит пепельные волосы, под ними, несомненно, приоткроются острые ушки.

Да, это обитательница Faerie, страны чар. Волшебница. Одна из Tylwyth Teg. Из тех, которых пикты и ирландцы называли Daoine Sidhe, Народом Холмов, а саксы — эльфами.

Девушка на мгновение перестала напевать, погрузилась по горлышко, зафыркала, закашлялась и обыкновеннейшим манером ругнулась. Однако рыцаря это не обмануло. Волшебницы, как известно всем, умеют ругаться по-человечески. Порой — не хуже сапожников. И очень даже часто ругань бывает лишь прелюдией к какому-нибудь зловредному фокусу, страстью к которым ворожейки славились: например, раздуть человеку нос до размеров семенного огурца либо уменьшить его мужескость до величины горошины.

Ни то, ни другое рыцаря не привлекало. Он уже совсем было собрался потихоньку ретироваться, когда его выдал конь. Нет, его конь, верховой, удерживаемый за ноздри, вел себя прилично и тихо, как мышь под метлой. Его выдала лошадь волшебницы, вороная кобыла, которую рыцарь вначале не заметил среди валунов. Жеребец дернул мордой и, будучи скотиной благовоспитанной, ответил. Да так, что эхо пошло по воде.

Волшебница выскочила из воды, продемонстрировав рыцарю все свои ласкающие глаз прелести, и тут же метнулась к камню, на котором лежала одежда. Однако вместо того, чтобы схватить какую-нибудь тряпку и скромно прикрыться, схватила ножны и на удивление ловко вытянула из них меч. На все ушло лишь мгновение, после чего она то ли пригнулась, то ли присела, скрывшись под во-

дой по самый нос, и выставила над водной гладью вытянутую руку с мечом.

Рыцарь вроде бы немного пришел в себя, бросил поводья и, преклонив колено, опустился на влажный песок. Теперь он наконец понял, с кем его свела судьба.

— Пребывай в здравии, — забормотал он, протягивая руки. — Великая сие честь для меня... Великое отличие, о Владычица Озера. Меч сей приму...

— А может, поднимешься с колен и отвернешься? — Волшебница выставила над водой губы. — Может, перестанешь болтать и плямиться и позволишь мне одеться?

Волшебницам не противоречат.

Он слышал плеск воды, когда она выходила на берег, слышал шелест одежды, слышал, как она потихоньку ругается, натягивая рубашку на мокрое тело. Он рассматривал вороную кобылу с гладкой, блестящей, как кротовья шубка, шерстью. Лошадь, несомненно, была чистейших кровей и, конечно, быстрая как ветер. И — конечно же — заколдованная. И стало быть — столь же несомненно, обитательница Faerie, как и ее хозяйка.

— Можешь повернуться.

— Владычица Озера...

— И представиться.

— Галахад из Каэр Бенина. Рыцарь короля Артура, властителя замка Камелот, владыки Теплового Края, а также Думнонии, Дифни-та, Повиса, Диффида...

— А Темерия, — прервала она, — Редания, Ривия, Аэдирн, Нильфгаард? Эти названия тебе о чем-нибудь говорят?

— Нет. Никогда таких не слышал.

Она пожала плечами. В руке у нее, кроме меча, были ботинки и курточка, выстиранная и отжатая.

— Так я и думала. А какой у нас теперь день года?

— Сейчас... — Безмерно пораженный, он раскрыл рот. — Второе полнолуние после Бельтайна... Владычица...

— Цири, — dokonчила она машинально, вертя руками, чтобы лучше расправить одежду на высыхающем теле. Она говорила странно, глаза у нее были зеленые и большие...

Типично женским движением она отбросила влажные волосы, и рыцарь невольно вздохнул. И не только потому, что ухо оказалось

самым обыкновенным, человеческим, не эльфим, а потому скорее, что щека ее была обезображена некрасивым шрамом. Ее ранили! Но позвольте, разве можно ранить волшебницу?

Она заметила его взгляд, прищурилась, сморщила нос.

— Да, шрам! — сказала она со своим удивительным акцентом. — Чего ты испугался? Неужто шрам для рыцаря такая уж редкость? И такое уродство?

Медленно, обеими руками он снял кольчужный капюшон, откинул волосы.

— Дело и верно неудивительное... для рыцаря, — сказал он не без юношеской заносчивости, демонстрируя собственный, едва затянувшийся шрам, идущий от виска к скуле. — А уродливы только шрамы на чести... Я — Галахад, сын Ланселота Озерного и Элейны, дочери короля Пеллеса, хозяина Каэр Бенина. Рану эту мне нанес гнусный осквернитель дев Бреунис Безжалостный, прежде чем я повалил его в честном поединке. Поэтому, поверь, я действительно достоин получить меч из рук твоих, о Владычица Озера.

— Не поняла.

— Меч. Я готов принять его.

— Это мой меч. Я никому не позволю к нему прикоснуться.

— Но...

— Что «но»?

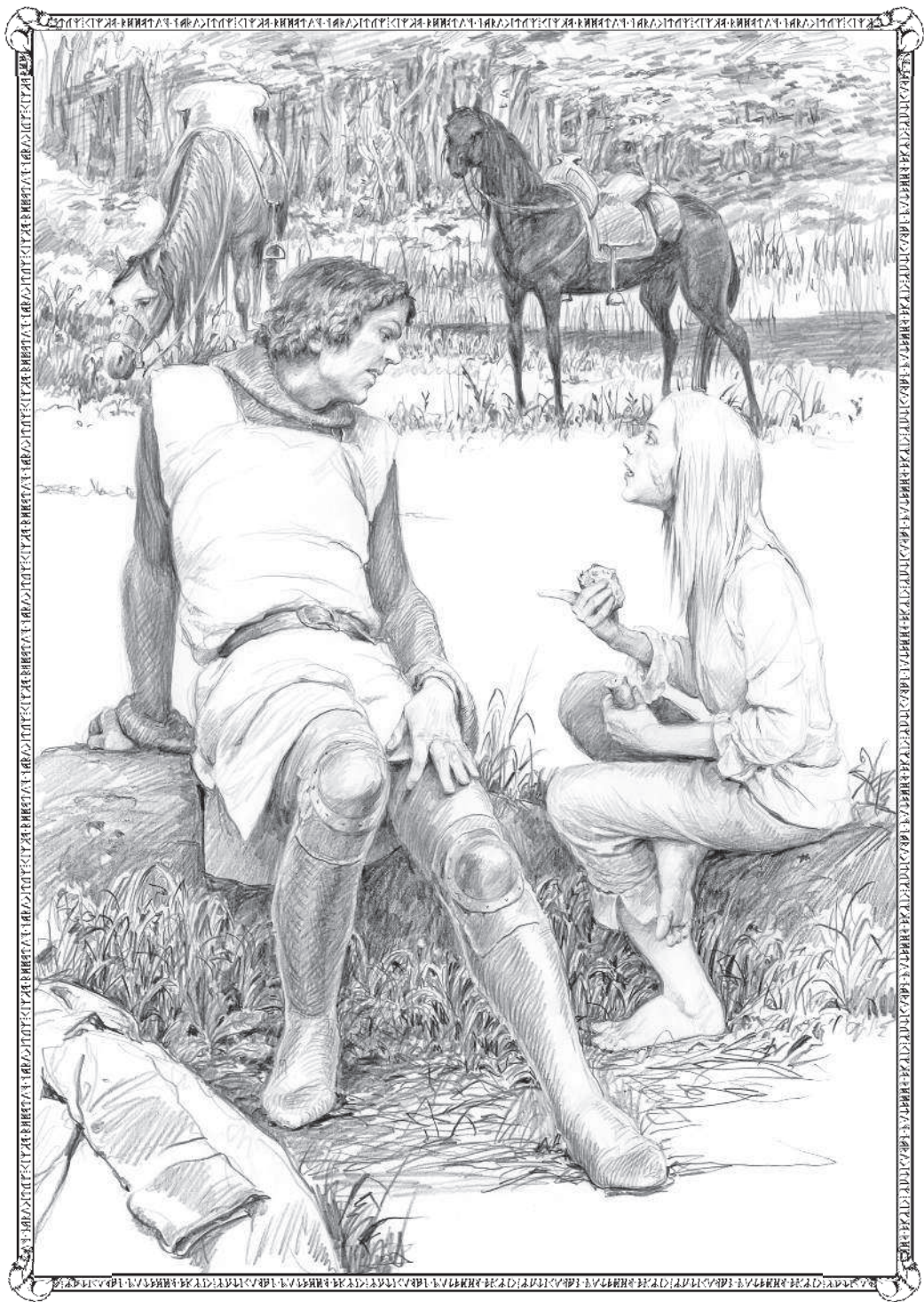
— Владычица Озера, когда... Она же всегда выныривает из вод и одаряет мечом.

Девушка немного помолчала, потом сказала:

— Понимаю. Как говорится, что ни страна, то обычай. Сожалею, Галахад, или как там тебя, но ты налетел не на ту Владычицу. Я ничего не раздаю. Ничем не одариваю. И не позволяю у себя отбирать. Чтобы все было ясно.

— Но ведь, — расхрабрился Галахад, — ты, Владычица, прибыла из Faerie? Разве нет?

— Я прибыла... — Она ненадолго умолкла, а ее зеленые глаза, казалось, устремлены в пучины пространства и времени. — Прибыла из страны Ривии, из города с таким же названием. От озера Лок Эскалотт. Я приплыла сюда в лодке. Стоял туман. Я не видела берегов. Слышала только ржание Кэльпи... моей кобылы, которая вначале бежала следом за мной.

Она снова раскинула влажную еще курточку на камне, а рыцарь снова вздохнул. Курточка была выстирана, но не вполне. На ней все еще проступали кровавые подтеки.

— Меня принесло сюда течение реки, — начала девушка, либо не видя, что он заметил кровь, либо притворившись, будто не видит. — Течение реки и волшебство единорога... Как называется это озеро?

— Не знаю, — признался он. — Важно, что оно в Гвинедде...

— Гвинедде?

— Само собой. Вон те горы — это И Виддфа. Если держаться правее и ехать лесами, то через два дня доберешься до Динас Диллеу, а дальше — до Каэр Даталя. А река... Ближайшая называется...

— Не имеет значения, как называется ближайшая река. Нет ли у тебя чего-нибудь перекусить, Галахад? Я подыхаю с голоду.

— И что ты уставился? Боишься — исчезну? Унесусь в просторы вместе с твоим сухарем и телячьей колбасой? Не бойся. В моем собственном мире я малость набедокурила и запуталась в Предназначении, так что временно мне нежелательно там появляться. Придется немного побыть в твоём... В мире, в котором ночью не отыщешь на небе ни Дракона, ни Семь Коз. В котором сейчас второе полнолуние после Беллетэйна, а само слово «Беллетэйн» произносят как «Бельтайн». Ну, чего ты, спрашиваю, пляешься?

— Я не знал, что волшебницы умеют кушать.

— Волшебницы, чародейки и эльфы — все умеют кушать. Правильнее сказать — есть. Потребляют пищу. Пьют и, как говорится, тэ-дэ и тэ-пэ.

— Не понял. Что тэ-пэ?

— Не важно.

Чем внимательнее он ее рассматривал, тем больше рассеивалась аура необычности и тем более человеческой, что ли, нормальной и даже обычной она становилась. Однако он понимал, что она не такая и такой быть не может. Обыкновенные девушки не встречаются у подножий И Виддфа в окрестности Ким Пикка, не купаются нагишом в горных озерах и не отстирывают окровавленную одежду. Независимо от того, как эта девушка выглядит, земным существом она быть не может... И однако же Галахад уже совершенно свободно и без благоговейного страха глядел на ее мышиного

цвета волосы, в которых теперь, когда они подсохли, к его удивлению, заблестели серебристо-белым прядки седины. На ее тонкие руки, небольшой носик и бледные губы, на ее мужскую одежду немного странного покроя, сшитую из тонкой ткани с непривычно плотным плетением. На ее покрытый удивительным орнаментом странных очертаний меч, который тем не менее отнюдь не выглядел парадным оружием. На ее бледные ступни, облепленные высохшим песком.

— Для ясности, — проговорила она, потирая ступню о ступню, — я не эльфка, а чародейка, то есть волшебница — правда, немного нетипичная. Впрочем, пожалуй, я и не чародейка вовсе.

— А жаль, слово чести!

— Чего тебе, как ты говоришь, жаль?

— Говорят.. — Он покраснел и запнулся. — Говорят, что чародейки, ежели им случается повстречать юношей, ведут их в Эльфланд, Страну Эльфов, и там... под ореховым кустом, на ковре из мхов, велят себя ублажать...

— Понимаю. — Она быстро глянула на него, потом отгрызла солидный кусок колбасы. — Что касается Страны Эльфов, — сказала она, проглатывая колбасу, — так некоторое время тому назад я оттуда сбежала, и у меня нет ни малейшего желания возвращаться туда. Что же до ублажения на ковре из мхов, да еще и под ореховым кустом, то, по правде говоря, Галахад, ты налетел не на ту, что надо, Владычицу. Тем не менее искренне благодарю за добрые намерения.

— Владычица! Я же не хотел тебя оскорбить...

— Не оправдывайся.

— Все из-за того, — пробормотал он, — что ты до невозможности красива.

— Еще раз благодарю. Но это ничего не меняет.

Помолчали. Было тепло. Стоящее в зените солнце приятно нагрело камни. Слабый ветерок рябил поверхность озера.

— Что означает... — неожиданно заговорил Галахад странно возбужденным голосом. — Что означает пика с окровавленным наколочником? Что означает и почему страдает король с пробитым бедром? Что означает дева в белом, несущая Грааль, серебряную чашу?

— А кстати, — прервала она, — ты вообще-то как себя чувствуешь?

— Но я же только спросил...

— Я не понимаю твоего вопроса. Это какой-то пароль? Сигнал, по которому распознаются посвященные? Будь добр, разъясни.

— Не сумею.

— Так чего же спрашиваешь в таком случае?

— А потому как... ну... — Его заело. — Ну, в общем... Один из наших взял, да и не спросил, хоть и выпал случай. То ли язык проглотил, то ли устыдился чего-то. Не спросил, вот и свалилась на него куча неприятностей. Так теперь уж мы всегда спрашиваем. На всякий случай.

— Слушай, в твоём мире есть чародеи? Ну, понимаешь, такие люди, которые занимаются магией. Маги. Ведуны, значит.

— Есть Мерлин. И Моргана. Но Моргана — дрянь в общем-то.

— А Мерлин?

— Так, средний.

— Знаешь, где его найти?

— А как же! В Камелоте. При дворе короля Артура. Я как раз туда направляюсь.

— И далеко это?

— Отсюда до Повиса, по реке Гафрен, потом по течению реки до Глевума к Морю Сабрины, а оттуда уж близко до равнин Теплового Края. На все вместе дней этак десять набезжит.

— Далековато, однако.

— Можно, — задумался Галахад, — сократить малость, если поехать через Ким Пикка. Но это заколдованная долина. Там страшновато. Там живут У Дупап Тег, зловредные карлики.

— А меч у тебя для чего? Для фасону?

— А что мечом супротив карлов-то сделаешь?

— Сделаешь-сделаешь, не бойся. Я — ведьмачка. Слышал когда? Э, ясное дело, не слышал. А твоих карлов я не боюсь. У меня среди краснолюдов уйма знакомых.

«Это уж точно», — подумал Галахад.

— Владычица Озера?

— Меня зовут Цири. И не называй меня Владычицей Озера. У меня это вызывает неприятные ассоциации. Неприятные и скверные. Так меня называли в Стране... Как ты назвал ту страну?

— Faerie, или, как говорят друиды, Аннуин. А саксы — Эльфланд.

— Эльфланд? — Она накинула на плечи полученный от него клетчатый пиктовский плед. — Знаешь, я бывала там. Вошла в Башню Ласточки и — трам-тарарам — оказалась среди эльфов. А они именно так меня называли — Владычица Озера. Мне вначале даже нравилось. Лыстило. Пока я не поняла, что в том краю, в той башне и над тем озером никакая я не Владычица, а обыкновенная пленница.

— Уж не там ли, — не выдержал Галахад, — ты испачкала одежду кровью?

Она долго молчала. Наконец ответила:

— Нет, — и ему показалось, что голос у нее слегка дрогнул, — не там. А у тебя острый глаз. Ну что ж, от правды не убежишь, голову в песок прятать нет резону. Да, Галахад. Последнее время я пачкалась частенько. Кровью врагов, которых убивала. И кровью близких, которых пыталась спасти... И которые умирали у меня на руках... Почему ты так на меня смотришь?

— Не знаю, кто ты — богиня или смертная... Но ведь ты обретаешься на грешной земле.

— Будь добр, ближе к делу.

— Я хотел бы, — у Галахада разгорелись глаза, — услышать твою историю. Не соблаговолишь ли ты, Владычица, поведать ее?

— Слишком долго рассказывать.

— У нас есть время.

— И не очень хорошо она заканчивается.

— Не верю.

— Почему?

— Ты пела, когда купалась в озере.

— А ты наблюдателен. — Цири повернулась к нему, стиснула губы, а ее лицо вдруг сморщилось и стало совсем некрасивым. — Да, ты наблюдателен. Но очень наивен.

— Поведай мне свою историю. Пожалуйста.

— Ну что ж, — вздохнула она. — Пусть так, коли хочешь... Расскажу.

Она уселась поудобнее. Он тоже. Лошади гуляли на опушке леса, пощипывали траву.

— С начала, — попросил Галахад. — С самого начала...